

Владимир АЛЕЙНИКОВ

* * *

Там светло от лампы полусонной,
С непривычки режущей зрачки,
Позабытой в гуще невесомой,
Чтобы сад заполнили сверчки.

Там темнот разбросана проказа —
И следит без отзвуков мольбы
Хризопраз прищуренного глаза
За капризом странницы-судьбы.

Там на хорах, эхом наделенных,
Отоспаться птахам не дано,
Потому что в шорохах зеленых
Им, пернатым, счастье суждено.

Позади оставлено былое,
Впереди забрезжило еще,
Точно полночь вязкою смолою
Пропитала зябкое плечо.

В полумгле, расплеснутой угрюмо,
Окажусь — и, словно сам не свой,
Удивлюсь египетскому Хнуму,
Человеку с козьей головой.

Ты откуда взялся издалече,
Неистлевший образ божества?
Без тебя в заоблачье не легче,
А в заречье гредишься едва.

Ты ответь, запутаннее листьев,
Отчего, как руки ни тяни,

Владимир Дмитриевич Алейников — русский поэт, прозаик, переводчик, художник, родился в 1946 году в Перми. Окончил искусствоведческое отделение исторического факультета МГУ. Публикации стихов и прозы на родине начались в период перестройки. Автор многих книг стихов и прозы — воспоминаний об ушедшей эпохе и своих современниках. Стихи переведены на различные языки. Лауреат премии Андрея Белого, Международной отметины имени Давида Бурлюка, Бунинской премии, ряда журнальных премий. Книга «Пир» — лонг-лист премии Букера, книга «Голос и свет» — лонг-лист премии «Большая книга», книга «Тадзимас» — шорт-лист премии Дельвига и лонг-лист Бунинской премии. Член редколлегии журналов «Стрелец», «Крещатик», «Перформанс». Член Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века и Высшего творческого совета этого союза. Член ПЕН-клуба. Поэт года (2009). Человек года (2010). Награжден двумя медалями и орденом. Живет в Москве и Коктебеле.

Бьется сердце, горести исчислил,
И ненастье прячется в тени.

Ты открой папирусов сиротство
Над иссохшей схемой пустынь —
И, вкусив напиток превосходства,
В безысходной скорби не покинь.

И поверь, что в муках окаянных,
Где источник страсти не затих,
Будет запах лилий безымянных
Средоточьем таинств золотых.

И скажи мне — что такое слава —
И дождешься ль в мире похвалы,
Если ветер жестом костоправа
Выпрямляет гибкие стволы?

Слышен хруст пред осенью, спешащей
На поруки искреннее взять,
Пронизавшей тропкою шуршащей
Голубого лада благодать.

Там тепло — на то и полыханье
В деревьях, растущих у дорог,
Там светло — на то и осыпанье,
Чтобы свет дыханию помог.

* * *

Воздушный путь, и ты, Чумацкий Шлях,
И ты, дорога, вестница морская!
Видны вы мне из осени в степях,
Зовете вы, ресниц не опуская.

Он жив еще, сей тройственный союз,
И душу он смущать не перестанет —
Язык его ищи в сердцах у муз,
Иди к нему — тебя он не обманет.

А ты, луна, взгляни-ка на ладонь —
Откуда перепутья кочевые?
Пусть губ не жжет прохладный твой огонь —
Его ты воскрешаешь не впервые.

Отважусь ли, как некогда желал,
Затронуть струны, с памятью не споря,
В стенах мирских, под гнетом звездных жал,
Чтоб ты меня охватывало, море?

Чтоб ты меня окутывал, туман,
Клубящийся как лебедь пред рассветом,
Истаивая странностью времен,
Не думающих попросту об этом.

Что вижу там? — гаданье по огню?
Какую-то фигурку восковую? —
Ах, полно! — никого я не виню,
Завесу поднимая вековую.

Спадает ли обиды пелена
С очей моих, томимых ожиданьем, —
Тобою, море, даль напоена,
Страстям людским ты служишь оправданьем.

Нет соли, что была б твоей горчей,
И силы нет прозрачней и радушной,
И вновь не подобрать к тебе ключей
В глуши уединения послушной.

Попробуй-ка пространство отворить —
Кому оно покажется с овчинку? —
Лишь имя успеваешь повторить,
Смутясь, разбить протяжной влаги кринку.

И в раковине ясен мне порой
Укор неоспоримый кругозора,
Чтоб это оказалось не игрой,
Доступною для слуха и для взора.

Я вновь косноязычничаяю — что ж!
На то и есть наитье и случайность,
Поэтому, наверное, и вхож
Туда, где изумит необычайность,

Чтоб, стольких бурь порывы укротив,
Душа желала света золотого, —
И уплывают греки, захватив
Огонь священный с алтаря родного.

* * *

Сухим ореховым листом
Упал под ветром час полдневный, —
Ты скажешь: в мире непростом
Есть некий глас, глухой и древний.

Его нельзя не прогневить
И не услышать невозможно,

Когда решишь благословить
Все то, что в сердце столь тревожно.

В неизъяснимости дыша,
Едва восстав из сновидений,
Еще препятствует душа
Наплыву новых впечатлений.

Когда ж решится приоткрыть
Неплотно запертые двери,
Уже смирится — так и быть —
С невозвратимостью потери.

Что это было? — что за звук,
Первоначальный и мгновенный? —
Как птица, вылетев из рук,
Он рвался к дали незабвенной.

Быть может, редкое письмо
От небожителей с Востока? —
А может — — пусть оно само
Расскажет, как нам одиноко.

Ушло, ушло оно — куда? —
Ведь так стеноло и дышало! —
Ушло, исчезло без следа, —
Ищу — и нет его, пропало.

Так воды вешние сошли
Куда-то в глубь земли великой —
И рвы бурьяном поросли,
Увились стены повиликой.

Так, образуясь в тишине,
Под ветром тает одичалым,
Как очевидец в стороне,
Тепло над градом обветшалым.

Еще немного — и уйдет,
Смутит, стеснит, впадая в дрему,
А там — ну кто его поймет? —
И нет пристанища былому.

* * *

Лишь глоток — лишь воздуха глоток,
Да от ласки влажный локоток,
Да пора — царица полумира

Под звездой в надменной высоте
Тянет руки в бедной наготе
К двойнику античного кумира.

На лице — смирения печать,
Чтоб судьбу смелей обозначать, —
Подобрать бы камни к фероньеркам! —
С виноградом вместе зреет гром,
Чтобы дождь, поставленный ребром,
Удивил павлиньим фейерверком.

На ресницах — мраморная пыль,
Колосится высохший ковыль,
Да венком сплетается полынным
Эта степь, истекшая не зря
Горьковатым соком сентября,
С шепотком акаций по долинам.

Не найти заветного кольца,
Не поймать залетного птенца —
Улетит с другими он далеко, —
В розовой раковине дня
Слышен гул подземного огня,
Ропот слеп, как гипсовое око.

Станут нити в иглы продевать,
Чтоб лоскутья времени сшивать,
Изумлять виденьем карнавала,
Где от масок тесно и пестро
И пристрастья лезвие остро,
А участия как и не бывало.

Полно вам печалиться о ней,
Круговой невнятице теней, —
Не объять причины увяданья —
И в тиши, растущей за стеной,
Дорогою куплено ценой
Отрешенье — символ оправданья.

* * *

На востоке грохочет гром,
Но дождя не видать покуда —
И закончится все добром,
В том порукой преданий гряда.

Небосвод то бездумно-сер,
То запретным сверкнет топазом —
И являет собой пример
Нежелания жить приказом.

Наверху ветерок непрост —
Запорожскою веет Сечью,
Поднимается в полный рост
Состязание взора с речью.

Не торопится дождь пролить
Слез ручьи, нашептавшись с ивой,
Что мечтает лета продлить,
Оставаясь лицом красивой.

Ива, ива, — ведь ты седа,
Собеседница арфы горней! —
И пройдет по корням вода,
Чтоб ветвям ниспадать покорней.

В послушанье твоём звездам
Отрешенности нет в помине —
Ты стоишь на пути к садам
С перстнем царским в руке рабыни.

В подчиненье твоём судьбе
Обреченности нет и тени —
И зовешь ты шагнуть к тебе,
Преклонить пред тобой колени.

А ступени к реке ведут,
А мосты половодьем смыты,
А деревья молчат и ждут,
Словно ищут у нас защиты.

* * *

1

Воспоминание томит меня опять,
Иглою в поры проникает,

Хребта касается, — и сколько можно спать? —
 Душа к покою привыкает,
 К жемчужной свежести, рассветной, дождевой,
 А все же вроде бы — что делать! — не на месте,
 Не там, где следует, — и ветер гулевой
 Ко мне врывается — и спутывает вести,
 С разгону вяжет влажные узлы
 Событий давешних, запутывает нити,
 Сквозит по комнате — и в темные углы
 С избытком придури и прыти
 Разрозненные клочья прежних дней
 От глаз подальше судорожно прячет,
 И как понять, кому они нужней,
 И что же все же это значит? —
 И вот, юродствуя, уходит от меня, —
 И утро смотрится порукой круговую,
 Тая видения и в отсветах огня
 Венец признания подняв над головою, —
 И что-то вроде бы струится за окном —
 Не то растраченные попусту мгновенья,
 Не то мерцание в тумане слюдяном
 Полузабытого забвенья,
 Не то вода проточная с горы,
 Еще лепечущая что-то о вершине,
 Уже несущая ненужные дары, —
 И нет минувшего в помине,
 И нет возможности вернуться мне туда,
 Где жил я в сумраке бездомном,
 Покуда разные сменялись города
 В чередовании огромном,
 Безумном, обморочном, призрачном, хмельном,
 Неудержимом и желанном,
 Чтоб ныне думать мне в пристанище земном
 О чем-то горестном и странном.

2

Страны разрушенной смятенные сыны,
 Зачем вы стонете ночами,
 Томимы призраками смутными войны,
 С недогоревшими свечами
 Уже входящие в немислимый провал,
 В такую бездну роковую,
 Где чудом выживший, по счастью, не бывал, —
 А ныне, в пору грозовую,
 Она заманивает вас к себе, зовет
 Нутром распахнутым, предвестием обманным
 Приюта странного, где спящий проплывет
 В челне отринутым по заводам туманным —

И нет ни встреч ему, ни редких огоньков,
Ни плеска легкого под веслами тугими
Волны, направившейся к берегу, — таков
Сей путь, где вряд ли спросят имя,
Окликнут нехотя, устало приведут
К давно желанному ночлегу,
К теплу неловкому, — кого, скажите, ждут
Там, где раздолье только снегу,
Где только холоду бродить не привыкать
Да пустоту ловить рыбацкой рваной сетью,
Где на руинах лиху потакать
Негоже уходящему столетью?

3

Взглянуть успел и молча побрести
Куда-то к воинству густому
Листвы расплеснутой, — и некому нести
Свою постылую истому,
Сродни усталости, а может, и тоске,
По крайней мере — пребыванью
В краю, где звук уже висит на волоске, —
И нету, кажется, пристойного названья
Ни чувству этому, что тычется в туман
С неумолимостью слепую
Луча, выхватывая щебень да саман
Меж глиной сизою и порослью скупую,
Ни слову этому, что пробует привстать
И заглянуть в нутро глухое
Немого утра, коему под стать
Лишь обещание сухое
Каких-то дремлющих пока что перемен
В трясине тлена и обмана,
В пучине хаоса, — но что, скажи, взамен? —
Труха табачная, что разом из кармана
На камни вытряхнул я? стынущий чаек?
Щепотка тающая соли?
Разруха рыхлая, свой каверзный паек
От всех таящая? встающий поневоле
Вопрос растерянный: откуда? — и ответ:
Оттуда, где закончилась малина, —
И лето сгнуло, и рая больше нет,
Хоть серебрится дикая маслина
И хорохорится остывшая вода,
Неведомое праздная везенье, —
Иду насупившись — наверное, туда,
Где есть участие — а может, и спасенье.